

КРИСТИ БРОМБЕРГ

18+

СКОРОСТЬ ПРИТЯЖЕНИЯ

Freedom. Скорость между нами.
Чувственные романы о гонщиках

Кристи Бромберг
Скорость притяжения

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Бромберг К.

Скорость притяжения / К. Бромберг — «Эксмо»,
2024 — (Freedom. Скорость между нами. Чувственные романы о
гонщиках)

ISBN 978-5-04-252170-6

Если единственный способ исправить мою репутацию — притвориться влюбленным в новенькую стажерку, что ж, я согласен сыграть в любовь. Всего несколько месяцев, и я смогу избавиться от имиджа главного тусовщика, а заодно получу пожизненный рекламный контракт. Главное — сделать вид, будто безумно влюблен в свою новую девушку, которая, как я думал, не посмеет мне перечить. Как же! Мэддикс Харт — дерзкая, умная, преданная и настоящая. Не успеваю опомниться, как она уже поселилась в моих мыслях и я сам верю в собственную ложь. А теперь, когда на кону все: контракт, чемпионский титул, — мы... Готов ли я рискнуть, чтобы Мэддикс наконец убедилась в том, что мы созданы друг для друга?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-252170-6

© Бромберг К., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Бромберг Кристи

Скорость притяжения

Copyright © 2024. ON THE EDGE by K. Bromberg

© Николаева В., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Иллюстрация на обложке *Wizzrd*

Пролог Круз

– Ты сделал это. Ты, черт возьми, сделал это, чувак.

Они бьют меня по шлему. И похлопывают по спине. Быстрые объятия полны изумленного волнения.

Я сдерживаю подступающие слезы и растворяюсь в моменте.

Я сделал это.

Я и правда, черт возьми, сделал это.

В горле ком, но я чувствую, как в груди зарождается гордость.

Моя третья гонка в «Формуле-1», а я уже попал на гребаный *пьедестал*.

Все верно. Я чертов Наварро. Все думали, что я могу лишь пользоваться своим наследием, но я только что доказал, что они ошибались.

А я оказался прав.

Моя команда празднует победу и толкает меня к месту проведения церемонии награждения, но я ищу в толпе только одну пару глаз.

Одного человека.

Титана, у которого я всю жизнь искал одобрения.

И когда я вижу его, когда встречаюсь взглядом со спокойной сталью в его глазах, моя улыбка застывает... затем исчезает.

Он едва заметно покачивает головой, направляясь ко мне.

– Третий? – говорит он себе под нос, в его тоне слышится разочарование и отвращение. – Это все, что ты смог, учитывая, сколько у тебя было возможностей? Ты Наварро. Выступай как Наварро.

В ту минуту, когда эти слова слетели с губ, его лицо озарила улыбка, чтобы все вокруг могли ее увидеть. Доминик Наварро надел прочную маску. Он пожимает протянутые ему руки. Принимает поздравления от моего имени. Он показывает всем единственную сторону своей личности, которую мир когда-либо знал.

Позже, когда я уже поднимаюсь на пьедестал и пытаюсь что-то разглядеть, пока глаза заливают шампанское, я больше его не вижу. Его нет ни с моей командой. Ни с другими семьями призеров. Он не смешался с толпой.

«Ты Наварро. Выступай как Наварро».

Это моя третья гонка в «Формуле-1», придуток.

Я Наварро. На пути к тому, чтобы соответствовать величию моего деду. А пока?

Планирую побить все рекорды, о которых ты не мог и мечтать.

Я только начал.

Уже завидуешь моему таланту? Просто подожди, черт возьми.

Глава 1

Круз

– Никогда не утверждал, что я святой, – говорю я и спускаю свои солнцезащитные очки, чтобы снять их, но затем, как только вижу солнечный свет, тут же надеваю их обратно.

В голове словно грохочет чертов барабан, а от яркого солнца становится только хуже.

– Когда тебе закончили делать капельницу? – спрашивает Леннокс Кинкейд, мой агент.

Я не отвечаю, и она спрашивает снова:

– *Круз?*

– Так это была ты?

Вопрос, который мучал меня утром, наконец получил ответ. Не то чтобы я слишком долго об этом задумывался.

Очень много людей зависят от меня. Несомненно, кто-то из них послал медсестру в мой отельный номер, чтобы убедиться, что я в порядке. Теперь я знаю, кто за этим стоит.

– А кто еще, по твоему мнению, послал медсестру с физраствором, чтобы ты протрезвел перед встречей?

– Мне не нужно было трезветь.

Нужно.

– Тогда считай это простой мерой предосторожности, которая потребовалась из-за твоего прошлого *несвятого поведения*, – говорит она с усмешкой.

Очевидно, сегодня утром чувство юмора покинуло ее.

– Отстань, Леннокс. У меня были летние каникулы, – говорю я об обязательном двухнедельном перерыве ФИА¹. – Ты отправила меня в Остин на эти встречи. И нигде не было сказано, что я не могу весело проводить время здесь, в Штатах.

– Ты волен делать, что хочешь, но я прекрасно понимаю, что мы находимся в середине нисходящей спирали Круза Наварро, по которой мы скатываемся каждые три месяца или около того.

– Не ври, Кинкейд. Нет никакой спирали. Никакого цикла.

– И все же я знала, что нужно отправить тебе физраствор, чтобы прополоскать тебя, – с сарказмом говорит она.

– Встречаться со старыми друзьями – не преступление. Заводить новых тоже. Боже, я просто немного повеселился. И тебе стоит как-нибудь попробовать.

– Летние каникулы закончились в прошлую полночь, а через тридцать минут у тебя будет одна из самых важных встреч в твоей жизни, – говорит она и замолкает. – Подожди. Ты в офисе, да?

Я смотрю на офисное здание «Дженеси Кэпитал» передо мной. Оно высотой около десяти этажей, все стены покрыты множеством окон, из которых сотрудники могут смотреть на... что? На ровную землю и водонапорные башни странной формы, усеивающие горизонт? Кто знает. Кого это волнует. Все, на чем лично я могу сосредоточиться, – как мне сохранить ясность ума, чтобы пережить эти встречи.

Последняя бутылка *определенно* была ошибкой.

Виноват.

– Да, я здесь, – бормочу я, когда пышная брюнетка с внушительной копной волос и еще большей задницей проходит мимо арендованной мной машины.

¹ Международная автомобильная федерация. (Здесь и далее – прим. пер.)

Она покачивает бедрами, как будто это ее единственная цель в жизни. Не смею жаловаться.

– Мне нужно, чтобы ты вел себя наилучшим образом, – предупреждает она.

– Я всегда веду себя наилучшим образом.

– Я, черт возьми, серьезно, Круз. Ты выдвинул требования...

– Ну и?

– Ты хотел сделку крупнее, чем когда-либо предлагали твоему отцу. Ты хотел партнерство с брендом, которое выйдет за рамки спорта и твоей активной спортивной карьеры – партнерство с брендом, которое обеспечит тебе источник дохода, – я выполнила и то, и другое в полном объеме.

– Теперь я должен поцеловать тебя в задницу за то, что ты делаешь свою работу?

– Нет. Теперь ты должен перестать беситься. Я не твой отец. Я не жду от тебя ничего невыполнимого. Я просто стараюсь делать все, что ты от меня требуешь. Теперь, может, вернемся к важному? Ну, знаешь, *к встрече*?

– А, да. *К встрече*, – повторяю я.

– «Дженеси Кэпитал» – это частная инвестиционная компания, с которой *ты хочешь* вести бизнес. Эта холдинговая компания владеет несколькими крупнейшими брендами. *Эта* холдинговая компания готова заключить с тобой пожизненный контракт, который включает пять процентов от прибыли с каждого проданного продукта. Мы говорим о сделке типа Майкла Джордана с Nike.

Я жмурюсь, мечтая, чтобы таблетка «Мотрина» подействовала, и киваю на свою пустую машину.

– Они и правда хотят сделать ставку на это дерьмо типа наследия Наварро, не так ли?

– Они хотят работать с тобой, а не с Домиником. Так что нет, они делают ставку не на *«дерьмо типа наследия Круза Наварро»*. А на твои навыки. На твою внешность. На твою харизму. На твою репутацию. Они хотят, чтобы ты стал лицом нового спортивного напитка «Возрождение» от «Силы тела», ну и нескольких других продуктов.

– Давай не будем забывать, что они собираются инвестировать в этот напиток мой капитал.

– Именно так. Вот почему им нужно знать, что их новый партнер – именно такой, как они себе представляют. Круз Наварро, гонщик «Формулы-1». А не Круз Наварро, плейбой из ночного клуба, который настолько сильно мучается похмельем, что не может снять солнцезащитные очки и поймать их взгляд во время встречи.

Полагаю, этому плану не суждено претвориться в жизнь.

Я хрюкаю в ответ. Та ли это сделка, о которой я просил? Да. Люблю ли я, когда мне что-то навязывают? *Нет*. Это самый простой способ сделать так, чтобы я потерял всякий интерес.

– Это важно, Круз. На стартовом поле нет и не было пилота, который подписал бы подобный контракт.

Блин. Надо отдать ей должное.

– Спасибо. Я серьезно. Искренне.

Леннокс тяжело вздыхает. На мгновение ее особое отношение ко мне берет верх.

– Заботиться о тебе и твоём будущем – моя работа. Так же, как и держать твою задницу в узде. И, судя по всему, я не очень хорошо справляюсь, учитывая, что ходят слухи о том, как ты многократно разрывал сделки с другими брендами...

– Я ничего не разрывал. Я выполнил свои обязательства перед каждым.

– Ты сделал свое дело. Но еще ты заслужил репутацию человека, с которым трудно работать.

– Такая чушь...

– Хочешь холодную, суровую правду, Круз? Компании не хотят с тобой связываться, – говорит Леннокс, которая никогда не ходит вокруг да около.

Это здорово, когда дело доходит до переговоров от моего имени. Но не так здорово, когда ее слова адресованы мне напрямую, без всякого буфера.

– «Дженеси» колебались в этом вопросе. Ты можешь стать пятном на их безупречно чистом имидже. Вечеринки. Пьянство. Простой пофигизм, когда ты один из двадцати пилотов, возможно, в самом почитаемом виде спорта на Земле. Они не знают, что ты можешь вытворить, и, честно говоря, не хотят беспокоиться об этом.

– Я ничем не отличаюсь от любого другого пилота.

Она фыркает.

Даже я не купаюсь на собственную ложь. Мой отец – Доминик Наварро. Сын Серхио Наварро, легенды автоспорта. Первый – человек, который не ожидает от меня ничего, кроме совершенства на стартовом поле, чтобы компенсировать собственные недостатки.

Но за пределами гоночного трека? Это мое личное время. Мое личное место. Здесь я могу жить на грани. Могу освободиться от давления, которое возникает из-за моей чертовой фамилии.

Но эта сделка? Эта сделка может дать мне то, чего никогда не было у моего отца. Имя, которое станет известно за пределами пузыря «Формулы-1». Это шанс на мировое признание и успех.

А потом, когда я выиграю чемпионат, он поймет, что я лучше, чем он когда-либо стремился быть.

– Как я уже сказала, ходят слухи, – говорит она и цокает по привычке. – У тебя уже было немало спонсорских контрактов, не продленных из-за прессы, но я заставила «Дженеси» проигнорировать все это. Я заставила их взять на себя обязательство сделать то, что они никогда не считали возможным предложить до этого.

– Может, хватит уже лекций?

– Конечно, я закончу, как только ты поймешь, что у этой компании есть длинные руки, которые открывают множество прибыльных возможностей с другими продуктами и брендами. Если ты облажаешься, то все, что находится под их покровительством, будет закрыто для тебя в будущем. Этого достаточно, чтобы замотивировать тебя встать на путь истинный?

– Конечно. Хорошо.

Я произношу эти слова, но смотрю на сообщение в своем телефоне от Хизер и заново переживаю некоторые моменты прошлой ночи... и раннего утра, которое мы провели, запутавшись в простынях с ней и ее подругой.

Я:

В то же время сегодня вечером?

Я печатаю сообщение, имея в виду ночной клуб, в котором мы были вчера вечером, и отправляю его, потому что мне нужно что-то, чего можно с нетерпением ждать.

– У тебя ровно двадцать одна минута, чтобы протрезветь, пожевать жвачку, чтобы от тебя не пахло так, будто вчерашний джин сочится из пор...

– Это был виски.

– Думаешь, мне не все равно? – резко говорит она.

– Я знаю, как сильно ты любишь, чтобы все было четко, – возражаю я и получаю в ответ разочарованный вздох.

– Подумай, как, черт возьми, ты собираешься их очаровать.

– Расслабься, – говорю я, зная, что иногда она бывает излишне напряжена. – Я пришел, чтобы подписать бумаги. Уверен, что все уже готово. Сделка, по сути, уже состоялась.

- Точно. *По сути*, она уже заключена. Ты единственный, кто может все испортить, Круз.
- Спасибо за доверие, – говорю я, и в моем голосе сквозит сарказм.

Она издает неопределенный звук, который говорит мне о том, что мне не удалось ее убедить.

– Ты знаешь так же хорошо, как и я, что твоя жизнь может измениться в спорте за секунду. Я предпочитаю не каркать и не вдаваться в подробности относительно того, как это произойдет. И мы оба знаем о наследии твоей семьи в этой отрасли. Но разве не было бы освобождением знать, что, несмотря ни на что, ты готов к жизни вне гонок и свободен от уз, *которые* связывает тебя наследие? Вот что даст тебе эта сделка. Независимость во всех аспектах этого слова.

– Я зарабатываю достаточно денег. Деньги моей семьи...

– Я знаю, что ты хорошо зарабатываешь, но разве эта сделка не поможет тебе в дальнейшем снять все вопросы, которые касаются твоего отца?

Ее слова повисают в воздухе. На самом деле, она единственная, кто когда-либо видел настоящего Доминика Наварро и, следовательно, у нее достаточно опыта, чтобы сделать подобное заявление.

– Слушай, они звонят по другой линии, – говорит она. – Мне нужно ответить, но я увижу тебя там.

– Что? Ты здесь?

Я резко поднимаю голову, чтобы оглядеть парковку, и тут же жалею об этом, поскольку моя голова остается неподвижной, а небо вокруг нее продолжает двигаться.

– По видеосвязи, – говорит она и затем завершает звонок, прежде чем я успеваю ответить.

Блин, идеально. Не думал, что моя нянька тоже будет на этой встрече.

Я издаю тихий стон, откидываю голову на сиденье и закрываю глаза.

Стук в голове немного стихает. Если бы мне удалось успокоить боль в животе, я бы назвал это победой.

Пятнадцать минут, отсчет пошел.

Я сыграю в эту игру.

Я подпишу контракт.

Я буду играть ту роль, которая им нужна.

Я проживу свою жизнь так, как хочу я.

Я заработаю деньги.

Никто меня не контролирует.

И как только эта мысль приходит мне в голову, телефон снова звонит.

Надпись «Папа» загорается на экране.

Кстати, о контроле надо мной. Мой отец никогда не упустит ни единой возможности.

– Не сегодня, – бормочу я.

Я бы лучше взглянул на слепящее солнце без очков и встретил целый духовой оркестр прямо сейчас, чем разговаривал с ним.

Вылезая из-за руля своей машины, я делаю вдох, чтобы успокоиться.

На свежем воздухе мысли чудесным образом проясняются.

С каждым шагом к зданию в моей голове мелькают кадры последних двух недель отпуска.

Походы в горы с ребятами по утрам.

Силовые тренировки в ранние послеобеденные часы.

Несколько встреч с сестрой Софией.

Ночи, проведенные то в одном клубе, то в другом. Особый сервис без нужды ждать новую выпивку и отдых без посторонних.

Женщины... Господи, *одни только женщины* уже были особым видом развлечения.

Спасибо тебе, Америка, за это.

Я открываю дверь с кривой ухмылкой, и мысли о Хизер и ее губах заполняют мою голову. Я бы сказал, что со мной уже практически все в порядке. Прогулка на воздухе и правда пошла мне на пользу. Но солнцезащитные очки придется еще немного поносить.

Я пока не готов к свету.

– Мистер Наварро? – спрашивает приятный голос справа от меня.

– Да?

Я оборачиваюсь и вижу улыбающегося парня примерно моего возраста в форме охранника. Я собираюсь снять солнцезащитные очки из вежливости, но останавливаюсь.

Пусть «Визин» еще немного поработает, чтобы краснота с белков моих глаз исчезла полностью.

– Вас ждут наверху. Девятый этаж. По коридору до самого конца.

– Да. Эм. Спасибо, – говорю я и направляюсь к лифтам.

Америка – забавное место. «Формула-1» здесь начинает набирать обороты, поэтому странно, что меня не так часто узнают, как если бы я был дома, в Европе.

– И, мистер Наварро?

Я останавливаюсь и оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него.

– Я большой фанат. Можно сказать, что вся моя семья болеет за вас. Каждый день гонок.

Он переминается с ноги на ногу, его улыбка становится шире. Думаю, это выбило меня из колеи.

– Эм, просто хотел пожелать удачи в оставшейся части сезона. Чувствую, что приближается чемпионский год. Если не этот год, так следующий.

На моем лице начинает сверкать абсолютно искренняя улыбка.

– Спасибо. Мне очень приятно.

– Мне не положено спрашивать, – говорит он и оглядывается через плечо. – Но, может, на выходе, после встречи, мы сможем сфотографироваться?

– Конечно. Вы будете здесь?

Он кивает, широко раскрыв глаза.

– Да. Прямо здесь. До вечера. Пока вы не спуститесь, – говорит он и почти подпрыгивает. – Мой отец сойдет с ума, когда узнает, что я вас встретил.

Когда я захожу в лифт, мне приходит сообщение. Прежде чем я успеваю взглянуть на экран, телефон вибрирует еще несколько раз.

Ах, настойчивые письма от Доминика Наварро, не иначе. Его никогда нельзя игнорировать слишком долго, иначе он использует свой излюбленный способ.

– Чему я обязан этим удовольствием? – бормочу я, просматривая сообщения и натываясь на фотографии с прошлой ночи, одну за другой.

Изображения, на которых я запечатлен совсем не в лучшем свете, и большую часть я даже не помню.

Я совершенно пьян. Целую то одну женщину, то другую.

Наполовину наполненный стакан в одной руке и бутылка в другой.

Серия снимков, на которых в деталях показано, как я врезаюсь в группу людей, перед тем как приземлиться на задницу с ухмылкой на губах.

Черт.

В наши дни нельзя безнаказанно творить подобное, ведь никто не выпускает из рук свои гребанные телефоны.

Одно ясно точно: я *отлично* проводил время. И мне действительно плевать, что думает об этом мой дорогой старик *rará*.

Но сообщения не перестают приходить. И когда вскоре после этого звонит телефон – как раз в тот момент, когда лифт достигает девятого этажа, – я знаю, что мне нужно либо ответить

на звонок, либо быть готовым к тому, что он выследит меня по телефонным линиям «Дженеси» и устроит сцену.

Не исключаю того, что он так и сделает. Все отвечают, когда задает вопросы Доминик Наварро, – любящий, заботливый отец, которым он является для публики. В конце концов, он заботится только о моих интересах. Или, по крайней мере, это то дерьмо, которое он пытается доказать всем вокруг.

– Я удивлен, что ты смог набрать номер между отправкой всех этих сообщений, – говорю я в качестве приветствия.

– Ты действительно думаешь, что на этих фотографиях ты ведешь себя достойно того, у кого в жилах течет кровь Наварро? – говорит он.

Его глубокий баритон эхом отдается в трубке, мои собственные губы повторяют каждое слово, которое он произносит. Каждое слово – крошечный порез, появляющийся на моей коже.

Эти порезы добавляются к тысяче других ран, которые он незаметно нанес мне за все эти годы.

– И тебе привет, *Papá*.

– Прекрати нести чушь, Круз. Это не смешно. Это не игра. Ты должен прекратить вести себя подобным образом, это даже не обсуждается. Ты Наварро. Наша семья – старейшая и самая успешная династия в этом виде спорта.

– Кто-то из нас и правда успешен.

Если и принимать удар, то только чтобы нанести ответный.

Он прочищает горло, и я почти слышу, как он скрипит зубами.

– Это так похоже на тебя – облажаться, даже не подписав бумаги. «Дженеси» откажется от сделки, потому что ты просто посмешище. Всегда им был. Видимо, всегда и будешь.

Иди к черту.

Слова вертятся на языке, но мое больное чувство уважения к человеку, который не испытывает ничего хорошего ко мне, сдерживает их.

– Сделке ничего не угрожает. Но проблема в том, что ты думаешь, будто бы мои дела – это твои дела, даже когда это не так.

– Ты Наварро. Все, что ты делаешь, касается меня.

– Продолжай так думать, и я буду продолжать тебя разочаровывать. Или ты этого хочешь? Разочаровываться? Ошибаться? Только так ты можешь продолжать меня контролировать, верно? – спрашиваю я.

Это все, что можно использовать против своего сына, чтобы оправдать то, что он вдвое лучше собственного отца и единственный Наварро, который когда-либо приближался к успеху *el patriarca* в «Формуле-1».

– Когда ты перестанешь порочить наше имя?

Когда ты перестанешь пытаться заставить меня соответствовать твоим нереалистичным стандартам.

– Старайся. Усердно трудись. Такой девиз? – спрашиваю я. – Знаешь, кажется, мне совсем не нужно это напоминать – мне разрешено веселиться.

В трубке становится тихо, самодовольная улыбка с каждой секундой все быстрее исчезает с моего лица.

Отец долго думает – а это всегда плохой знак.

– *El patriarca*, – говорит он, имея в виду моего дедушку, моего кумира и то, как мы ласково его называем. – *Патриарх*.

– А что с ним?

Я поправляю солнцезащитные очки и останавливаюсь посреди коридора, чувствуя, как грудь начинает сжиматься.

– *El patriarca* передал, чтобы ты не утруждался и не заезжал домой, прежде чем отправиться в Зандворт.

Глава 2

Мэддикс

– Ух ты. Эм, – говорит Кевин и хмурит брови, глядя на меня поверх кабинки.

Генеральный директор «Дженеси Кэпитал» не привык, что сотрудники на должностях порядком ниже его спрашивают что-то подобное.

– Мэдди, да?

Удивительно, но он почти угадал.

– Мэддикс.

– Точно, – говорит он и выдает натянутую улыбку. – Да.

Он оглядывается по сторонам так, словно ждет, что кто-то – например, мой менеджер – спасет его от моего вопроса. Хорошо, что мой менеджер заболел.

– Я остановился, чтобы попросить вас отнести эти папки в конференц-зал, а теперь... Думаю, я даже не ожидал, что вас заинтересует что-то подобное.

Я стискиваю зубы и улыбаюсь, несмотря на свое раздражение.

– Конечно заинтересует. Разве не поэтому я здесь? Чтобы учиться и...

– Конечно, но... – говорит он, почесывает висок, слегка наклонившись, и прищуривается, глядя на меня.

Это было нагло и прямо – спросить генерального директора компании, могу ли я присоединиться к большому совещанию, о котором все стажеры говорят только шепотом. Одно дело быть нанятой компанией в качестве сотрудницы низшего звена, которой поручена любая работа, какую никто другой не хочет делать, и при этом пытаться получить опыт в брендинге и маркетинге. Совсем другое дело – просить об участии в одной из самых крупных сделок, которую когда-либо проводила эта компания.

Хотя от моих коллег-мужчин ожидалось, что они подадут заявку на участие в подобном мероприятии, все совсем по-другому, когда это делает кто-то из нас, женщин, что совершенно очевидно по выражению лица Кевина.

Ну... полагаю, что все когда-то бывает в первый раз. И этот первый раз происходит прямо сейчас.

Я не собираюсь продвигаться дальше в своей карьере, находясь постоянно на вторых ролях. Разве это не то осознание, к которому я пришла вчера вечером, когда сидела напротив Майкла? Что я оказалась совсем не там, где планировала быть в этот момент своей жизни?

Я люблю его, но не так, как мне хотелось бы: это не любовь, владеющая душой и наполняющая сердце. Мне нравится моя работа, но я чувствую себя как белка в колесе, которая постоянно гоняется за своим хвостом, без какой-либо возможности для карьерного роста. Я обожаю свой город и место, где я выросла на окраине Остина, но я живу более чем в полутора тысячах километрах от Манхэттена, где находятся все лучшие возможности стать брендинговым или креативным менеджером.

Я решила, что сегодня я начну действовать. *Я действую.*

– Вы никогда раньше не интересовались такими вещами, так зачем начинать сейчас? – спрашивает Кевин.

Это какими «такими вещами»? Например, тем, чтобы учиться и набираться опыта, – ведь я пришла сюда ради этого?

Я несколько раз моргаю, как будто это придаст его комментарию смысл. Для умного, дальновидного генерального директора, который мне действительно нравится, он, как я иногда думаю, слишком занят поверхностными вещами, поэтому не видит ничего вокруг себя.

Он не тупой, он просто... *мужчина.*

– Кевин, ради этого я здесь, в «Дженеси». Чтобы изучать маркетинговый аспект изнутри и снаружи, чтобы расти и в конечном итоге подняться по карьерной лестнице.

Он оглядывает дюжину или около того кабинок тех, кого мы называем первогодками, – я, например, одна из них, – и я вижу нерешительность, явственно проступающую на его лице.

– Многие люди хотят присутствовать на этой встрече.

– Я знаю. Все говорят об этом.

– Я уже собрал команду, – говорит он и смотрит на часы.

– Разве вам помешает еще один человек? Я сяду у стенки. Только понаблюдаю.

– Почему я должен выбрать вас? – спрашивает он, возвращаясь к своему решительному, расчетливому «я», к которому мы все привыкли.

Я, может, и пытаюсь быть тихоней, но скромность никогда не была моей сильной стороной.

– Потому что я знаю о гонках все.

Он усмехается.

– Это «Формула-1». Называть это просто «гонками» – оскорбление для спорта.

Я бросаю на него ироничный взгляд.

– Хорошо. *Я ничего не знаю о «Формуле-1»*. Черт, я ничего не знаю ни об этом спорте, ни о водителях.

– Гонщиках или пилотах.

– Ладно-ладно. Пилотах, – говорю я, чтобы успокоить его. – Я не хочу участвовать в этой сделке просто ради того, чтобы сказать, что я знаю одного из них...

– Его зовут Круз Наварро, – говорит он, сдерживая смех.

– Конечно. Ладно. Дело в том, что я даже не знаю его имени. Я имею в виду, что Аарон или Мейси хотят участвовать только для того, чтобы заработать авторитет среди своих друзей или публиковать свои фотографии на гонках или в... как там это называется, ну, где у них там машины.

– Ты имеешь в виду паддок² и гараж?

– Это правда важно?

– Да.

– Послушайте, эта работа – мой билет на следующий этап. У меня есть диплом, но у меня нет никаких шансов набраться опыта. Я и близко не подхожу к следующей ступеньке.

– Следующий шаг всегда требует жертв, Мэдди...

– Мэддикс, – поправляю я, на что он неуместно машет рукой.

– Конечно. Мэддикс, – говорит он, и на его лице появляется сдержанная, быстрая улыбка. – Чем вы готовы пожертвовать, чтобы перейти на следующий этап, – это то, о чем вы должны спросить себя.

– Все, о чем я прошу, – это присутствовать на встрече, которая, похоже, может вылиться в одно из самых влиятельных соглашений о брендинге за последние пять лет.

– То есть вы говорите мне, что отсутствие интереса и знаний идет вам на пользу? – спрашивает он, скрещивает руки на груди и поджимает губы так, что неизвестно, взорвется он или улыбнется.

Он всегда впадает в крайности, и отчасти поэтому задавать ему этот вопрос было непросто.

Я киваю.

– Да. Вы же знаете, что я хочу быть там из самых позитивных соображений.

Он тяжело вздыхает, и его глаза скользят то по моему лицу, то по офису.

– Это все может превратиться в настоящий балаган.

² Специальное место для гоночных команд и пространство для инженеров, пилотов и руководителей.

– Я думала, что сделка...

– Все сделано, нужно лишь уточнить несколько параметров, но...

Он замолкает. Затем вздыхает. Это очень важный вздох, и я смотрю на него, мысленно скрестив пальцы, и надеюсь, что чаша весов опустится на мою сторону.

– Ладно. Конечно. Да. Какого черта. Чем больше, тем лучше, верно? – говорит он и смотрит на стопку бумаг в своих руках, а затем снова на Аарона, который отвечает ему неуверенным взглядом. – Но должен предупредить. Из-за того что вы там посидите, многие будут завидовать.

– Я справлюсь.

– Здесь ножи, довольно острые, – усмехается он и поднимает брови за секунду до того, как протянуть мне бумаги. – Отнесите их в конференц-зал на девятом этаже.

– Да. Ладно.

Черт возьми, он сказал «да».

– Но разве этот этаж не закрыт на ремонт?

Он кивает.

– Это гарантирует конфиденциальность, не так ли?

Не задавай ему вопросов. Просто смиришься.

– Я сейчас же их отнесу, – говорю я и указываю на красные папки, зажатые у него под мышкой. – И эти тоже?

Он делает паузу, прежде чем ответить.

– Пока нет. Я все еще работаю над... ними.

То, как он это говорит – брови нахмурены, а на лице проступает раздражение, – заставляет меня сделать шаг назад и назвать это победой, прежде чем он изменит свое решение.

– Когда начнется встреча?

– Через тридцать минут. Убедитесь, что все готово как следует.

Как будто я имею хоть какое-то представление о том, что это значит. *Думаю, я буду делать вид, все идет как надо, пока все не будет хорошо.*

– Конечно.

Кевин поворачивается, чтобы уйти, но затем останавливается и оглядывается на меня.

– Вы так и не ответили на вопрос.

– Какой именно?

– Чем вы готовы пожертвовать, чтобы перейти на следующий этап?

Вопрос не дает мне покоя, пока я поднимаюсь на лифте на девятый этаж, иду мимо всех закрытых дверей и по пустому коридору в самый большой из всех наших конференц-залов. Все, что должно быть на месте, похоже, уже там.

Мне так кажется.

Зеленые папки для портфолио уже лежат на каждом сиденье. Шикарная коробка из-под ручки открыта и находится посередине стола. Я бы предположила, что это для подписания контракта, но кажется, ручки внутри нет. Я морщусь нос, немного сбита с толку от беспокойства, что кто-то взял то, что, как я предполагаю, является «ручкой для подписания сделки».

Определенно, мне нужно выяснить это до того, как все придут.

В центре стола стоит кувшин с водой, а рядом с ним на подносе – стаканы. Макеты упаковки «Возрождения» и общей маркетинговой кампании закрывают мольберты, расставленные по комнате.

Я не на сто процентов уверена, как именно должен выглядеть конференц-зал, но мне кажется, что все в порядке, поэтому я кладу стопки бумаги на каждое место, как и было велено. Когда я выхожу из конференц-зала, чтобы вернуться и разобраться с ситуацией с ручкой, я вижу человека метрах в шести от меня прямо по коридору.

Помимо того что он не снял солнцезащитные очки в помещении, становится ясно, что мужчина взволнован – или паникует, – когда он толкает несколько дверей, а затем обнаруживает, что все они заперты. После последней закрытой двери он стонет от разочарования.

Размышляя над тем, чтобы подняться наверх и разобраться с ручкой или медленно уйти, чтобы он меня не увидел, я стою и наблюдаю за ним.

Он пробует другую дверь, и сдавленный звук вырывается из глубины его горла, когда он обнаруживает, что и та заперта.

– Черт возьми, – бормочет он, сжимая телефон так крепко, что белеют костяшки пальцев.

Именно тогда он замечает меня. Бейсболка надвинута низко на лоб, а глаза скрыты за темными очками, но я знаю, что он смотрит на меня.

– Мне просто нужна минутка, – говорит он с трудом.

– Тут открыто, – говорю я, не задумываясь, и указываю на дверь посередине между нами, которая ведет в своего рода комнату отдыха.

Это одна из немногих незапертых дверей на этом этаже.

Внезапно меняется положение его челюсти. Это, наряду с опущенными плечами, говорит мне, что он жаждет передышки, которую я ему и предлагаю. С коротким кивком он входит в комнату, позволяя напряжению рассеяться в воздухе вокруг меня.

Здравый смысл подсказывает, что мне нужно уйти и использовать драгоценные несколько минут, оставшихся до встречи, чтобы быстро сходить в туалет, подготовить компьютер для заметок и выяснить, почему пропала ручка. *Конечно, никто не взял ее специально, верно?* Но есть что-то в этом человеке, что заставляет меня идти к двери, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Некое притяжение заставляет меня сделать несколько шагов в комнату.

Он может быть серийным убийцей, Мэддикс. Он находится на девятом этаже офисного здания, хотя этот этаж, по сути, закрыт. И вот ты идешь за ним в пустую комнату.

Не самая умная из моих идей на сегодняшний день, но это не мешает мне стоять и изучать его.

Он движется по комнате. Его дыхание затруднено. Руки дрожат. Рот сжат, и все его тело напряжено.

Я открываю рот, чтобы спросить, все ли с ним в порядке, несколько раз, но снова и снова закрываю его.

Только когда он останавливается у окна, опирается рукой на карниз, смотрит на улицу и довольно прерывисто выдыхает, тогда я наконец начинаю говорить.

– Могу ли я чем-то помочь вам? – спрашиваю я.

Его тело снова напрягается – как будто он не понимал, что за ним кто-то наблюдает.

– Нет. Я в порядке.

Он выдавливает слова с едва уловимым акцентом, но когда он смотрит на меня через плечо, то натягивает самую неискреннюю улыбку, которую я когда-либо видела.

Очевидно, что он не в порядке.

– Не похоже, что вы в порядке, – говорю я, делая несколько шагов к нему.

– Я сказал, что я в порядке.

Теперь он выпрямляется во весь рост и поворачивается, чтобы посмотреть на меня. Он снимает солнцезащитные очки, и я встречаюсь с самыми светлыми янтарными глазами, которые я когда-либо видела. Глаза немного красные, но я замечаю золотые крапинки, а сами глаза обрамлены густыми ресницами, за которые я бы согласилась кого-нибудь убить. Его четко очерченная челюсть сжата, мышца с одной стороны подергивается, а его полные губы вытянуты в прямую линию. Он резко выдыхает, и его ноздри раздуваются, но он пытается сделать вид, что ничего такого не происходит.

Боже. Если этот мужчина – серийный убийца, то его внешности достаточно, чтобы заманить любую женщину на смерть.

– Я вам не верю, – говорю я, на что получаю кривую ухмылку.

Эта ухмылка полна сарказма, что только делает ее более привлекательной.

– Веришь ты мне или нет – это не моя проблема.

Его телефон оповещает о сообщении, и как только оно приходит, он бросает мобильный на стол рядом с собой. Тишина в комнате прерывается грохотом.

– Можете обманывать себя. Мне все равно.

Я пожимаю плечами и иду к холодильнику, чтобы достать бутылку воды и протянуть ему. Он не выглядит нормально. На самом деле, на его лбу выступает пот, а бронзовый оттенок кожи становится бледным.

– Но я узнаю паническую атаку, когда вижу ее, и мне кажется, что именно это с вами и происходит.

Он выхватывает бутылку с водой из моей руки, наклоняет ее и выпивает половину одним глотком. Когда он опускает ее, его глаза встречаются с моими. Сухожилия на его шее все еще напряжены, а плечи продолжают подниматься и опускаться с пылким отчаянием.

– Спасибо.

– Не за что. Это просто вода.

Он кивает, и я вижу, как сокращается его горло.

– Когда со мной это происходит, мне помогает дыхание по квадрату.

Он хмурится, но его грудь продолжает быстро подниматься и опускаться, как будто он втягивает воздух, но это не уменьшает его потребность в кислороде.

– Когда происходит что? – спрашивает он, и в его тоне слышится легкое раздражение.

– Паническая атака.

– У меня нет никакой панической атаки.

– Ладно.

Я мило улыбаюсь. *Зачем отрицать это, когда мы оба знаем, что именно происходит?*

– Но, когда такое случается, мне помогает, если я медленно вдыхаю и считаю до четырех. Удерживаю воздух еще четыре секунды. Затем медленно выдыхаю и снова считаю до четырех.

Я пожимаю плечами, показывая чистое безразличие, несмотря на то что замечаю его медленный вдох, как будто он делает то, что я сказала.

– Это называется дыхание по квадрату. Оно заставляет...

– Дышать. Понял. Но у меня нет... Я в порядке, – говорит он, но я замечаю, как с каждой секундой напряжение в его теле ослабевает – с каждым вдохом, который он делает.

Его телефон на столе снова вибрирует. Экран загорается, но он не смотрит на него. Однако все его тело снова напрягается, и он на мгновение закрывает глаза, прежде чем поднять бутылку и выпить остаток воды. Тишина в комнате продолжает сгущаться, как и моя неловкая нерешительность.

– Еще воды? – спрашиваю я.

Он качает головой, и уже мой телефон жужжит в руке как напоминание об огромной возможности, которую я получила, и о том, что мне нужно вернуться к ней.

– Итак, э-э, мне нужно вернуться к работе. Вы уверены, что с вами все в порядке?

Наши глаза встречаются еще раз. Он открывает рот, а затем закрывает его, прежде чем снова надеть солнцезащитные очки и наконец ответить.

– Я в порядке.

Это я уже слышала.

– Ну, э-э, этот этаж сейчас технически закрыт, но вы можете остаться здесь, пока не почувствуете себя лучше... что бы с вами ни происходило. Я могла бы сказать вам не торопиться, но вы, вероятно, захотите добраться до нужного этажа до того, как придет генеральный директор.

– Почему это? – спрашивает он.

– Он занят тем, что пытается все идеально подготовить для встречи крупного клиента. Он может быть не слишком рад видеть какого-то случайного человека, бродящего по коридорам.

– Понял, – говорит он и бросает бутылку с водой в мусорное ведро рядом с собой. – Он никогда не узнает, что я здесь.

– Хорошо. Отлично, – отвечаю я, затем делаю несколько шагов назад и показываю большой палец через плечо. – Мне пора возвращаться.

– Эй... – говорит он, заставляя меня повернуться к нему лицом. – Спасибо.

Моя улыбка быстрая, но искренняя.

– Всегда пожалуйста.

Глава 3

Мэддикс

«К-Р-У-З».

Я снова и снова обвожу эти четыре буквы, а затем рисую облака вокруг них. Гораздо проще сосредоточиться на этом желтом разлинованном блокноте и моих каракулях, чем на неудобном обсуждении, которое происходит за столом передо мной.

– Я в замешательстве.

Круз Наварро раздраженно вздыхает и переводит взгляд с Кевина на других представителей «Дженеси Кэпитал» – или, скорее, на тех, которые сидят за конференц-столом вокруг него, – а не на другого одинокого члена команды, сидящего у стены, словно его и не существует. Этот человек я.

– Я думал, мы здесь, чтобы подписать контракт.

Подписать контракт ручкой, которая намеренно отсутствует на столе.

«Пустая коробка скажет все за нас», – пояснил Кевин. Я не думаю, что Круз вообще это заметил.

– Таков был план, но как я сказал Леннокс, прежде чем мы начали... – говорит Кевин, указывая на экран на стене, где агент Круза смотрит на него откуда бы она ни звонила с серьезным выражением лица, наморщив лоб. – Сейчас мы сомневаемся.

Круз хихикает, и я могу интерпретировать это только как недоверие.

– Все из-за каких-то фотографий? – спрашивает он, и вопрос звучит скорее как утверждение, чем что-либо еще, а потом смотрит на монитор, сжав челюсти его раздражение очевидно.

Последняя просьба Кевина заставила меня сесть на свое тихое и незаметное место через несколько минут после официального начала встречи. Сказать, что я была удивлена, обнаружив, что мужчина из коридора, сидящий напротив нашего генерального директора, оказался тем же человеком, которого он назвал какой-то знаменитой суперзвездой, – это ничего не сказать. Это объясняет, по крайней мере, легкий акцент.

Может быть, потому что он казался таким... *нормальным*?

Смирись с этим, Мэддикс, потому что теперь он не кажется таким уж нормальным.

За нормальными людьми не следят папарацци после ночных вечеринок. И, очевидно, – судя по грубому коллажу из фотографий папарацци, которые украшают второй экран в конференц-зале, за Крузом Наварро следят.

Но именно его безразличие к этим фотографиям на экране выделяет его в этом конференц-зале. Ему явно наплевать на них, что делает ситуацию немного неловкой и заставляет меня ерзать на своем стуле.

– Дело не конкретно в этих фотографиях, – говорит Кевин, откидываясь на спинку стула. – Дело во всех фотографиях. В том, что они подразумевают. В том, что они говорят о вас и о том, что вы воплощаете и представляете.

– И что *именно* это говорит обо мне?

Круз скрещивает руки на груди. Я замечаю, как напрягаются его бицепсы. Как я могу этого не замечать? Еще я замечаю его раздражение.

– «Возрождение» заинтересовано в продвижении здорового образа жизни. Это для...

Круз смеется с глубоким сарказмом.

– Стоит ли мне кратко рассказать о том, какого режима я придерживаюсь? Кардио. Силовые. Тренировки на выносливость. Протоколы питания. Все это вписано в красиво упаков-

ванный график, который я получаю каждый день, каждую неделю, и он расписан вплоть до минуты. Уверяю вас, Кевин, что мое предполагаемое здоровье не подлежит сомнению.

Кевин прочищает горло. Этот человек никогда не испытывает угрызений совести, сталкиваясь с трудностями, и нынешний разговор не становится исключением.

– Мы собираемся вложить огромную сумму денег в партнерство с вами. В то партнерство, которое предложили нам ваши люди. То, о котором мы торговались, вели переговоры, над которым работали месяцами. Я хотел бы думать, что это изменит ваше поведение перед глазами общественности, зная, что мы работаем над этим соглашением.

Губа Круза кривится, словно говоря: «Откуда вам знать, что это не мое нормальное поведение?» Он уверен в себе, его уверенность граничит с высокомерием, и я борюсь с собственной улыбкой от его вопиющего неповиновения.

У этого парня есть железная воля. Она, должно быть, огромная, ведь он знает, что находится в одном шаге от того, чтобы заработать больше денег, чем мог бы потратить за десять жизней, но ведет себя так, будто ему все равно.

Может, и нет. Ведь чуть раньше я уже приняла обычное похмелье Круза, которое совершенно оправдано, (учитывая, во сколько сделаны фотографии, демонстрируемые на экране), за паническую атаку. Он откидывается на спинку сиденья, небрежно положив одно предплечье на стол, другое на подлокотник, разглядывая свои фотографии, и находит в себе смелость ухмыльнуться – словно переживает этот момент заново, – прежде чем снова встретиться взглядом с Кевином.

– Я часть спорта, в котором люди зарабатывают на жизнь, обманывая смерть. Я испытываю такой кайф, который раньше и не мог себе представить. Если вы говорите мне, что больше беспокоитесь о том, как я веду себя по ночам с друзьями, чем о моем выживании во время следующей гонки, когда речь идет о вкладе, который я могу внести в наше партнерство, то я думаю, может быть, мне стоит пересмотреть эту сделку.

Спина Кевина выпрямляется, и Леннокс предупреждает:

– Круз.

Определенно, большая железная воля.

– Мистер Рейносо, – говорит Леннокс Кевину. – Не могли бы вы дать Крузу и мне минутку, чтобы...

– Мне не нужна минутка, – заявляет Круз, положив обе руки на стол перед собой.

Часы на его запястье не кричат о богатстве, но определенно стоят дороже моей машины. Я замечаю нижнюю часть довольно внушительных предплечий, вижу, как они двигаются, и это определенно привлекает мое внимание. У меня слабость к сильным рукам и предплечьям, а часы просто добавляют еще одно измерение к этому визуальному удовольствию, от которого я заставляю себя отвести взгляд.

– В наших первых разговорах мы высказывали обеспокоенность по поводу всех ваших... видов деятельности, – говорит Кевин, расправляя плечи. – Ваша команда заверила нас, что все изменится... что вы будете более сдержанны в том, как вы показываете себя на публике, но... выползает из баров? Уличные гонки по дорогам Монако? Не похоже, что вы восприняли то, о чем мы просили в нашем партнерстве, достаточно серьезно.

– И все же мы пришли к чему-то, не так ли? – спрашивает Круз.

– Он имеет в виду... – говорит Леннокс. – Что...

– Мне не нужен переводчик, мисс Кинкейд. Я прекрасно понимаю, что он имеет в виду, – говорит Кевин, а затем снова переключает свое внимание на Круза.

– У меня есть все, что нужно, чтобы кампания была успешной. Внешность. Харизма. Поклонники. Фамилия. Деньги. Звучит как выигрышная ситуация, не так ли?

– Именно так.

Голос Кевина монотонен, он постукивает по бумагам в руке, чтобы сделать стопку ровной. Именно так делает человек, который собирается уйти с совещания.

– Но то, что знаю я, и то, что видит правление, – это две совершенно разные вещи. И им не нравится то, что они видят, поэтому они не могут одобрить эту сделку.

Я понимаю, что он имеет в виду, и я почти уверена, что Круз тоже все понял, потому что он внезапно дергает шеей.

– Чего вы хотите, Кевин? – спрашивает Круз с бесстрастным лицом, внимательно глядя на меня.

Он бросает короткий взгляд в сторону Леннокс, и я понимаю, что теперь он обеспокоен этой сделкой. Его образ на краткий миг дает трещину, но я это замечаю.

– Мне нужны гарантии, прежде чем мы сможем продвинуться дальше.

Горло Круза сжимается, очевидно, он сдерживается, чтобы не высказать слова протеста, которые вертятся на кончике его языка. Он смотрит на своего агента, а затем снова на Кевина.

– Что вам нужно от меня? Что для этого потребуется?

– Совету нужно, чтобы вы показали нам, что настроены серьезно.

– Мне потребуются чуть более точные указания, чем эти.

– Больше никаких безумных выходов в клубах. Больше никаких возмутительных вечеринок, когда вы громите все на своем пути. Вам нужно доказать нам, что у вас есть моральный компас. Что вы остепенились.

– Остепенился? – фыркает Круз.

– Да, – подтверждает Кевин не дрогнув. – Например, в серьезных отношениях с девушкой.

– Что за...

Не завершив предложение, он смеется, потом закатывает глаза и, явно выказывая недоверие, проводит рукой по волосам. Но, когда он снова смотрит на Кевина и видит ожидание в его глазах, тело Круза реагирует. Его смех небрежен, пока он не встречается глазами со всеми вокруг и не понимает, что Кевин не шутит.

– Подождите. Вы серьезно?

– Я действительно серьезно.

– Это полная чушь – вы не можете обязать меня завести девушку. Вы не можете...

– Мы можем обязать вас делать все, что захотим. Как частная инвестиционная фирма, мы можем выдвигать любые требования, любые правила – называйте, как хотите, – которые мы считаем подходящими. На кону и наши деньги.

– А что, если я не соглашусь?

– Я почти уверен, что мой ответ вам не понравится.

Кевин оглядывается по сторонам, чтобы создать драматический эффект. Равнодушие так же очевидно написано на его лице, как это было с Крузом несколько минут назад. Очевидно, что в эту игру могут играть двое.

– С другой стороны, может быть, вы не хотите заключить эту сделку так сильно, как мне об этом говорили.

– Какого черта?

– Либо все, либо ничего. Когда речь идет о многомиллионных инвестициях, обе стороны должны прийти к компромиссу, – говорит Кевин, и то, как он это говорит, не оставляет места для обсуждений.

– Обе стороны? И в чем заключается компромисс для «Дженеси» в данном случае? – спрашивает Круз.

– Круз, – предупреждает Леннокс, неумолимо глядя на него.

Круз вздыхает, явно неохотно смиряясь с этой идеей.

– Итак, позвольте мне прояснить ситуацию. Я подписываю бумаги. Я притворяюсь, что у меня есть девушка, чтобы привести свой имидж в порядок. Я встаю на путь исправления. И как долго мне придется притворяться?

– Мы не сможем ничего подписать, мистер Наварро, пока совет директоров на самом деле не увидит, что вы относитесь к этому партнерству с брендом так же серьезно, как и мы.

Круз пролистывает стопку бумаг перед собой, и я думаю, мы оба одновременно понимаем, что в ней нет контракта, который нужно подписать.

Ох. Черт. Это жестоко, Кевин.

И вот почему на столе нет ручки.

Недоверчивая улыбка расплывается на губах Круза, когда он отодвигает стопку бумаг обратно к центру стола, и ведет себя гораздо спокойнее, чем несколько минут назад.

– Мне это не нравится.

– Не обязательно, чтобы вам это нравилось. Вам просто нужно понимать, чего хочет «Дженеси», и причины, которые за этим стоят, – говорит Кевин.

– Ты знала об этом? – Круз обращается к Леннокс, как будто в комнате никого нет.

Она кивает.

– Да, знала. Я обсуждала это с мистером Рейносо после того, как мы говорили ранее. Я пыталась связаться с тобой, но ты не ответил на звонок.

Уверена, это она звонила, когда мы были в комнате, а его телефон жужжал на столе.

Он кивает, словно подкрепляя собственную уверенность, прежде чем сказать следующие слова.

– Ладно. Ладно. Я должен притворяться, что у меня есть девушка.

– Мы уже позаботились об этом за вас.

Кажется, и Круз, и я одновременно вздрагиваем.

«Дженеси» так поступает? Какого черта? Как я могла этого не знать? С каких это пор мы стали эскорт-агентством?

Круз фыркает.

– Забавно.

Кевин сцепляет руки перед собой, затем встречается взглядом со всеми остальными за столом, прежде чем снова посмотреть на Круза.

– Кажется, никто не смеется.

Круз отчаянно смотрит на Леннокс, которая просто встречает его взгляд и одобрительно кивает.

– Я не...

– Вот три кандидатки, которых мы для вас выбрали, – говорит Кевин и подталкивает три красные папки, которые он держал в руках, через стол к Крузу.

Круз скептически смотрит в папки с красными обложками, внутри которых находятся снимки, прикрепленные скрепками к верхней части каждой, прежде чем сжать их своими большими руками и отодвинуть обратно к центру стола.

Он никак не мог достаточно внимательно рассмотреть все фотографии, чтобы принять решение так быстро.

– Ее, – говорит он, указывая на меня и встречаясь со мной взглядом.

Что за?..

Я открываю рот и тут же закрываю его. Это шутка, да? Я оглядываю комнату, чтобы посмотреть, не улыбается ли кто-нибудь и не указывает ли на меня пальцем, но я не вижу ничего, кроме неловкой сдержанности.

Никто не знал, что я буду присутствовать на этой встрече. Даже я. Но теперь Круз делает жест в мою сторону, как будто он и вправду хочет выбрать меня.

Это забавно. Мне даже хочется фыркнуть, но из-за того, что все медленно поворачивают головы в мою сторону, я этого не делаю.

– Что? – спрашивает Кевин и смотрит на меня через плечо, смущение отражается в чертах его лица, так же, как и в моих.

– Ее. *Тихоно*. *Вот кого я хочу видеть своей девушкой*.

Тихоно? Я смотрю через плечо, забывая, что сзади меня только стена, поэтому он точно говорит обо мне.

– Вы имеете в виду... *Мэддикс*? – спрашивает Кевин, совершенно ошеломленный.

– Мэддикс. Да, – говорит Круз, откидываясь назад и скрещивая руки на груди. – *Ее*.

– Но я не... – говорю я, а Кевин поднимает руку, чтобы остановить мой комментарий, но я продолжаю: – Это абсурд.

Кевин оглядывает меня с ног до головы, пока атмосфера в комнате сгущается. Люди поднимаются, чтобы посмотреть в мою сторону; их стулья скрипят, но никто не шуршит бумагой и не стучит по клавиатуре. Повисает тишина, если не считать, что я практически слышу, как все ожидают его ответа.

У меня горят щеки, и я клянусь, что пот стекает по линии моего позвоночника, несмотря на то что в комнате работает кондиционер.

Они не могут делать это всерьез. Круз не может серьезно говорить это. Кевин не может серьезно обдумывать его слова.

Я делаю медленный, ровный вдох под пристальным вниманием всех присутствующих.

– Я польщена, но я не...

– Хорошо, – говорит Кевин и решительно кивает, едва встречаясь со мной взглядом, прежде чем повернуться обратно к Крузу. – Это будет просто идеально.

Глава 4

Мэддикс

– Получится даже лучше, чем я ожидал, – бормочет Кевин, пока я практически бегу трусцой, чтобы догнать его. Мысли у меня в голове путаются, а внутри растет недоверие.

– Лучше для кого? – спрашиваю я. – Для *вас*? Просто, кажется, что мне стоит высказаться по этому вопросу.

– Вы хорошо знаете корпоративную культуру здесь, в «Дженеси». Мы заботимся о наших партнерах. Удовлетворение их потребностей для конечного успеха – наша главная цель.

Хватит пускать мне пыль в глаза, Кевин. Меня только что продали, словно я эскортница... как будто я принадлежу вам, и вы можете мной распоряжаться.

– Опять же, разве я не должна иметь права голоса по этому поводу?

Он останавливается в пустом коридоре и прищурено смотрит на меня.

– Вы говорите, что не хотите делать свою работу?

– Я не актриса. Я не могу этого сделать, – говорю я, и мои слова звучат как жалкое оправдание.

– Можете. Вы справитесь. Вы легко продадите нам этот совершенно новый образ, – говорит он и пожимает плечами. – Гонщик, который по уши влюбился в вас, а вы смогли превратить его в любящего парня.

Я успела поискать о нем информацию в Интернете, пока шла подготовка к встрече, и мне ясно, что никто ни за что на свете не поверит в эту историю, как и в то, что я смогу сойти за девушку Круза Наварро.

Во-первых, я совсем не похожа на тех женщин, с которыми он обычно встречается. У меня светлые волосы и зеленые глаза, а он предпочитает более экзотический типаж вроде Сальмы Хайек. И, во-вторых, на фотографиях миллион разных женщин. Этот мужчина, черт возьми, знает, как быть на виду, и он *всегда* появляется в свете, держа под руку потрясающих женщин в дизайнерских нарядах, обвешанных сверкающими бриллиантами.

Мой гардероб состоит из вещей, купленных по скидке в универмаге, и находок из комиссионного магазина.

– Ничего не получится.

Может быть, если я повторяю это достаточно часто, он начнет в это верить. Может быть, в это поверю и я.

– Нет?

Я смотрю на него и его нахмуренные брови. На его пронзительные глаза. Я слышу его вздох, который говорит мне, что он раздражен и не собирается больше этого терпеть.

– Что вы планируете получить от этой работы? Вы попросили меня, чтобы я разрешил вам присутствовать на этой встрече, потому что вы так захотели. Но чего вы хотите? Повышения? Превосходства над всеми остальными в этой сфере? Чем вы готовы пожертвовать, мисс Харт?

– Я не... подождите, вы предлагаете мне повышение, если я это сделаю?

Я вижу азартный блеск в его глазах. Он манит меня морковкой, а я, идиотка, просто беру и ведусь.

Идиотка? Может, скорее авантюристка.

– Я гарантирую вам повышение, да, вместе с дополнительными средствами, чтобы покрыть все расходы, которые потребуются на этот фарс.

– Что вы имеете в виду? – спрашиваю я, все еще пытаюсь осознать происходящее.

– Девушка Круза Наварро не может носить подделки из Target, обувь от Famous Footwear и сумочку из обычного магазина в торговом центре.

Я опускаю взгляд на свои джинсы и обычные сандалии, оскорбленная, но слишком запуганная и смущенная, чтобы сказать об этом.

– Ого. Ладно.

– Я не пытаюсь задеть ваши чувства. Этот образ подходит для Остина, для повседневности, но он не подходит для гламурного образа жизни, в который вы окунетесь.

Что, черт возьми, здесь происходит? Он рассуждает так, будто я уже сказала да.

– Я ценю вашу поддержку, но я не могу просто взять и делать то, что мне хочется. У меня есть дела и обязательства...

– Дела? – перебивает он, прищурившись. – У вас есть что-то более важное, чем быть девушкой миллионера, который, возможно, является одним из лучших гонщиков в мире? Что-то более важное, чем перелетать с континента на континент, из страны в страну на частном самолете, и тусоваться с теми, кто участвует в гонках, кого видят в Голливуде? Я просто хочу сказать...

Он небрежно поднимает руки и продолжает:

– Не знаю, как вы, но я сомневаюсь, что в вашей жизни будет много моментов, когда вам выпадет шанс стать той, кем вы, скорее всего, никогда не смогли бы стать.

Из-под его руки выглядывают красные папки. Он пришел на встречу, подготовив трех кандидатов на эту роль, поэтому я знаю, что у него есть бюджет на это провальное предприятие. А если у него есть бюджет, это означает, что, скорее всего, совет директоров это одобряет.

Но это безумие. Для меня. Стать той, кем я никогда не смогла бы стать.

– Шанс стать той, кем я не смогла бы стать? – спрашиваю я.

Господи. Теперь, когда он так говорит, я начинаю задумываться. Разве моя цель не в том, чтобы выбраться из этого города и увидеть мир? Учиться и расти, а не быть здесь, застряв в той же колее, в которой мои родители комфортно и охотно жили всю свою жизнь?

Но голос разума говорит мне, что нужно сдержаться.

Я не принадлежу миру Круза.

Все, о чем я просила, – это присутствовать на этой встрече.

Это безумие.

– Шанс стать той, кем вы не могли бы стать, – повторяет он.

– Но у меня есть парень, – выпаливаю я, не зная, что еще сказать.

– Тогда расстаньтесь с ним, – невозмутимо говорит Кевин.

– Легко сказать.

Он решительно кивает.

– Да. Это так. Довольно легко. Вы давно здесь работаете? Восемнадцать месяцев?

Он знает, сколько я здесь работаю? Я оглядываюсь через плечо, чтобы посмотреть, нет ли там никого, кто каким-то образом вводит его в курс дела. Или, может быть, он выяснил все заранее? Может быть, именно об этом они все переписывались, когда встреча закончилась?

– Да. Что-то вроде того.

Я окидываю взглядом пустой коридор и пытаюсь понять, к чему он клонит.

– И за эти полтора года я ни разу не видел никаких признаков этого парня. Ни на нашей рождественской вечеринке. Ни на нашем летнем пикнике. Ни цветов на вашем столе в день рождения. Ни звука о нем коллегам.

Я медленно моргаю, словно это поможет мне лучше осмыслить то, что он говорит. Откуда, черт возьми, он мог знать...

– Я знаю все, что происходит в моих офисах, Мэддикс, – говорит он и улыбается, и я не уверена, должно ли это успокоить меня или напугать. – Я не смогу быть хорошим боссом, если не буду этого знать.

Я слишком взволнована, чтобы спорить с ним или осознать тот факт, что он знает все. И что он на самом деле прав.

Отношения с Майклом... непринужденны. Удобны. *Скучны*. Может быть, после полутора, проведенных вместе, вместе отношения не должны быть просто непринужденными, но никто из нас не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы просить большего или что-то с этим сделать.

Еще один вывод, к которому я пришла вчера вечером, каким-то образом идеально совпал с сегодняшними неожиданными событиями.

Меня словно ударяет молния, пока я стою посреди коридора и смотрю на босса моего босса. Как я могла в одну минуту задаваться вопросом, что я буду есть на обед, а в следующую минуту осознавать, что эта странная возможность может быть просто способом выбраться из этого города? Из этой колеи? И отправиться к жизни, которую я нарисовала на своей доске желаний на стене в моей квартире?

Я переминаюсь с ноги на ногу, пока в голове проносятся тысячи мыслей. Я могла бы уволиться. И я бы легко нашла другую работу, которая дала бы мне опыт маркетинга и брендинга, чтобы сводить концы с концами. Их пруд пруди с теми же ужасно низкими зарплатами. Но... это была бы не такая работа. Не такая, как в этой компании. Не та, что предлагает бесконечные возможности и связи, если получится пройти эту низкооплачиваемую стадию.

Но любая другая работа не заставила бы меня испытывать покалывание где-то внизу позвоночника. Другая работа не заставляла бы меня чувствовать мурашки по коже и предвкушение, смешанное с волнением, пульсирующее в моей крови.

Я путешествовала. Не так много. Не выезжала за пределы Соединенных Штатов, не считая Мексики. И это... это шанс всей моей жизни.

Боже мой.

Не могу поверить, что собираюсь это сделать.

– Да.

– Да? – переспрашивает он.

– Да.

Я киваю, мое сердце едва не выпрыгивает из груди.

– А парень? – спрашивает он и наклоняет голову набок.

– Он поймет.

– Не поймет. Придется с ним расстаться.

Мое тело инстинктивно реагирует на этот комментарий, но только потому, что я не хочу ранить чувства Майкла. А не потому, что я действительно думаю, что у нас с ним есть будущее.

– Я понимаю.

– Нет. Я не думаю, что вы понимаете. Если вы не расстанетесь и продолжите связываться с ним и вести себя обходительно, СМИ и диванные детективы в социальных сетях узнают об этом. Они разместят это по всем сайтам и расскажут о том, как вы изменяете их любимому гонщику. Так что вам нужно прекратить отношения, прежде чем вы уедете, и ради компании, и ради вас самих, – говорит он и скрещивает руки на груди. – Люди одержимы своими любимыми спортсменами. Они не щадят никого, кто их обижает. Как же фанаты воспримут то, что Крузу изменяют?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.